
Ирис Громова
Там где я настоящая
young adult

Ирис Громова
Там, где я настоящая

https://litres.ru/74700128
SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса Воронцова переезжает в шестой город за два года — и снова всё по кругу: новая школа, двадцать пар глаз, шёпот за спиной. Она прячет правое ухо за рыжей чёлкой, веснушки — за безразличием, а страх — за скейтбордом. Единственное, что всегда с ней, — доска, подарок отца, ушедшего, когда ей было семь.

Но этот город пахнет иначе: дождь здесь отдаёт гниющими яблоками, а под старым мостом Алиса встречает Марка — капитана футбольной команды, который днём проходит мимо, опустив взгляд, а вечером катается с ней по пустым набережным и говорит о звёздах. Здесь есть Марго — девочка с фиолетовыми прядями и значком «Мне плевать», которая на самом деле просто хочет, чтобы её заметили.

«Там, где я настоящая» — это история о первой любви и первой дружбе, о родителях, которые тоже ошибаются, и о том, что смелость — это не отсутствие страха. Это когда ты боишься — и всё равно выходишь на свет.

Для тех, кто любит истории о тех, кто не такой, как все. И о тех, кто рядом.

Содержание

Глава 1. 4
Глава 2. 10
Глава 3. 17
Глава 4. 22
Глава 5. 31
Глава 6. 38
Глава 7. 46
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Ирис Громова
Там, где я настоящая

Глава 1.

Город, который пахнет иначе
Ирис Громова

Дождь в этом городе пах иначе. Не пылью и асфальтом, как в предыдущих пяти городах, а сырой листвой и чем-то сладковатым, как гниющие яблоки.

Алиса стояла на пороге новой школы — третьей за два года — и вдыхала этот запах, пытаясь убедить себя, что он ей нравится. Что здесь всё будет по-другому. Что на этот раз она не станет той самой новенькой, которую весь класс будет разглядывать, как диковинное насекомое под стеклом.

Ей было четырнадцать. Четырнадцать — это возраст, когда всё кажется концом света. Прыщик на лбу — трагедия. Неправильная обувь — приговор. А уж если у тебя нет уха... Алиса давно перестала считать, сколько раз за последние годы она слышала слово «уродка». Оно уже почти не ранило. Почти.

Она поправила челку, стараясь убедиться, что рыжие пряди плотно закрывают правую сторону лица. Там, где должна

была быть ушная раковина, была лишь гладкая, чуть розоватая кожа. Шрам от операции, сделанной в раннем детстве, давно зажил, но стыд остался. Веснушки на носу и щеках, которые она ненавидела за то, что они привлекали внимание, теперь казались предательством — они кричали: «Смотрите сюда! Смотрите на лицо! Может быть, не заметите, что с ним что-то не так?»

Алиса знала, что не заметить невозможно. Она проверяла. Шесть лет проверяла.

Дверь в класс номер 8-Б оказалась приоткрыта. За ней гудел голос учителя — монотонный, как дождь за окном. Алиса переступила порог, и двадцать пар глаз синхронно повернулись к ней. Она давно научилась выдерживать этот взгляд: плечи прямые, подбородок чуть вверх, челка — на месте. Главное — не показывать, что тебе больно. Как будто ты просто... смотришь сквозь них.

— Алиса Воронцова, — представила её классная руководительница, женщина с уставшими глазами и слишком яркой помадой. — Перевелась из... — она заглянула в бумаги, — из Новосибирска. Прошу любить и жаловать.

Никто, разумеется, не полюбил.

Алиса села за свободную парту у окна — третью с конца. Оптимальный вариант: сзади не видно, кто там сидит, а впереди — спина соседа, за которой можно спрятаться. Она выложила на стол тетрадь, ручку и скейтборд — последний она принципиально не оставляла в раздевалке. Скейт был её

единственным постоянным спутником за все пять городов. Потёртые края, наклейка с черепом на нижней стороне — подарок отца, которого она почти не помнила. Он ушёл, когда ей было семь, оставив после себя только скейт, коллекцию комиксов про супергероев и привычку не доверять людям, которые обещают остаться.

Урок тянулся медленно, как жвачка, прилипшая к подошве. Алиса делала вид, что конспектирует, но на самом деле рисовала на полях человечков с одной ушной раковиной. У них были суперспособности: не слышать насмешки, исчезать по желанию, летать над городом, который пахнет гниющими яблоками.

— Эй, Одноухая! — раздался голос с задней парты.

Класс захихикал. Кто-то прыснул в кулак, кто-то демонстративно фыркнул. Алиса не обернулась. Она привыкла. В новой школе, как и в старой, и в той, что была до неё, сценарий всегда был один и тот же: новенькая, странная, травля. Она сжала ручку так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Голос принадлежал парню с задней парты — широкоплечему, с коротким ёжиком и самодовольной ухмылкой. Алиса уже успела запомнить его имя: Дима Ковалёв. Капитан школьной команды по баскетболу, любимец учителей, человек, который, судя по всему, никогда в жизни не сталкивался с тем, что его не любят.

— Ковалёв, тишина, — бросила учительница, не подни-

мая головы от журнала.

Дима хмыкнул, но замолчал. Алиса выдохнула. Внутри всё кипело. Ей хотелось выхватить из-под парты скейтборд, лежавший у ног, и просто уехать. Куда угодно. Лишь бы не слышать этот смех. Лишь бы не чувствовать, как горит правая сторона лица — та, которую она так старательно прятала.

Она закрыла глаза на секунду. Представила: вот она толкается ногой от асфальта, доска катится, лужи разлетаются в стороны, ветер бьёт в лицо, и челка уже не нужна, потому что никто не смотрит. Никто не смеётся. Есть только скорость и дождь, пахнущий гниющими яблоками.

Но звонок прозвенел раньше, чем она успела придумать, куда именно уедет.

На перемене Алиса выскользнула в коридор первой — привычка, выработанная годами. Не задерживаться, не давать повода, не становиться лёгкой мишенью. Она нашла подоконник в конце коридора, у окна с видом на школьный двор, и уселась на него, подтянув колени к груди. Скейт она поставила рядом, прислонив к стене.

— Это у тебя настоящий? — раздался голос сбоку.

Алиса вздрогнула и обернулась. Перед ней стояла девчонка с фиолетовыми прядями в коротких волосах и значком с надписью «Мне плевать» на лацкане пиджака. Она смотрела на скейт с неподдельным интересом, без всякой жалости или насмешки.

— Настоящий, — осторожно ответила Алиса.

— Круто. Я Марго. — Девчонка плюхнулась рядом на подоконник, не спрашивая разрешения. — Ты новенькая, да? Из Новосибирска?

— Ага.

— Там холодно.

— Там везде холодно, — сказала Алиса и сама удивилась, как это прозвучало.

Марго фыркнула.

— Слушай, про Ковалёва не парься. Он идиот. У него мозгов ровно на один баскетбольный мяч, и тот, кажется, сдулся.

Алиса не сдержала улыбку. Впервые за долгое время. Го заметила это и ухмыльнулась:

— Вот. Уже лучше. А то сидишь тут, как будто тебе весь мир должен.

— Мне не должен.

— Ну и отлично. — Марго вытащила из кармана пачку жевательных резинок и протянула Алисе. — Будешь?

Алиса колебалась. В прошлых школах доброта оказывалась либо ловушкой, либо прелюдией к «я с тобой дружу, но не слишком близко, а то ещё подумают, что я тоже странная». Но что-то в Марго — в её спокойном взгляде, в том, как она не пялилась на правую сторону лица, — говорило, что ей действительно плевать.

— Буду, — сказала Алиса и взяла резинку.

Дождь за окном усилился. Капли стучали по стеклу, и запах гниющих яблок, казалось, стал ещё слаще. Алиса поду-

мала: может быть, этот город всё-таки не такой уж плохой. Может быть, здесь она продержится дольше, чем три месяца.

Может быть.

Но она уже знала: в этом мире нельзя расслабляться слишком быстро. Особенно когда тебе четырнадцать, у тебя одно ухо и скейтборд, который помнит руки отца, ушедшего навсегда.

Глава 2.

Вечером город принадлежал ей.

Алиса стояла на краю бетонной площадки под старым мостом через реку. Ветер трепал её каре, но здесь, в тени опор, она чувствовала себя в безопасности. Щелчок. Толчок. И вот она уже летит, балансируя на четырёх колесах, ощущая вибрацию асфальта подошвами кед. Здесь она была не «девочкой без уха», а частью потока, частью скорости.

Дождь закончился час назад, оставив после себя мокрый бетон и запах гниющих яблок, который стал почти родным. Фонари отражались в лужах, и Алиса объезжала их — не потому, что боялась промокнуть, а потому, что в отражениях было что-то завораживающее. Целые миры под ногами. Перевёрнутые, искажённые, но существующие.

Она сделала кикфлип — доска крутанулась под ногами, поймала воздух и вернулась в руки. Алиса усмехнулась. В Новосибирске у неё ушло полгода, чтобы освоить этот трюк. Здесь — три недели. Может быть, дело в городе. Может быть, в том, что под мостом никто не смотрел.

— Неплохо для новичка, — раздался спокойный голос.

Алиса резко затормозила и развернулась, едва не потеряв равновесие.

На велосипеде, прислонившись к перилам, сидел Марк. Она знала его в лицо — год старше, капитан школьной фут-

больной команды, тот самый парень, чьё имя чаще всего звучало в коридорах. Но сейчас он был в простой серой толстовке, без школьной формы, без свиты из друзей — и выглядел совсем по-другому. Менее неприступным. Более... настоящим.

— Я не новичок, — проворчала Алиса, поправляя волосы. Чёлка скользнула на место, закрывая правую сторону лица. Привычный жест, отработанный до автоматизма. — Просто я часто переезжаю. Приходится быстро адаптироваться.

Марк спрыгнул с велика и подошёл ближе. Он не смотрел на её ухо. Он смотрел ей в глаза.

— Я видел, как ты делаешь кикфлип. Круто. — Он помолчал секунду, будто решая что-то про себя. — Хочешь, покажу короткий маршрут вдоль набережной? Там меньше машин.

Алиса насторожилась. В её опыте «показать маршрут» обычно означало «завести в незнакомое место и посмотреть, как она будет выбираться». Но Марк стоял спокойно, держа велосипед за руль, и в его глазах не было ни насмешки, ни превосходства. Только предложение.

— А почему ты вообще со мной разговариваешь? — вырвалось у неё. — В школе ты меня будто не видишь.

Марк не отвёл взгляда.

— Потому что в школе всё сложнее. А здесь... — он обвёл рукой пустую набережную, тёмную воду, фонари, — здесь всё проще. Здесь можно быть собой.

Алиса не знала, что на это сказать. Она привыкла, что люди либо смеются над ней, либо жалеют её. Но чтобы кто-то вот так, просто, предлагал показать маршрут — такого не было уже давно.

— Ладно, — сказала она. — Только я быстро гоняю.

Марк ухмыльнулся.

— Посмотрим.

Они катались по набережной, пока фонари не начали сливаться в сплошные жёлтые полосы. Марк ехал на велосипеде, Алиса — следом на скейте, объезжая трещины в асфальте и разгоняясь на спусках. Ветер свистел в ушах — в обоих, если бы у неё было второе. Она поймала себя на этой мысли и тут же отогнала её. Не время. Не сейчас.

— Откуда ты? — спросил Марк, когда они остановились у старого причала, чтобы перевести дух.

— Отсюда и не только. — Алиса пожала плечами. — Новосибирск был последним. До этого — Томск, Омск, ещё пара городов, которые я уже забыла. Мама — медсестра, её переводят туда, где нужнее. Ну, или где больше платят. — Она помолчала. — В основном, где больше платят.

— А отец?

Алиса смотрела на воду. В отражении фонарей плавали тёмные силуэты — может быть, рыбы, может быть, просто тени.

— Ушёл, когда мне было семь. Оставил скейт. — Она кивнула на доску под ногами. — Вот и всё наследство.

Марк не сказал «мне жаль». Он не сказал «бедняжка». Он просто кивнул, будто принимая эту информацию как факт, а не как повод для жалости.

— А я здесь всю жизнь, — сказал он. — Кажется, что знаю каждый камень на этой набережной. И всё равно иногда чувствую себя чужим.

Алиса посмотрела на него с удивлением.

— Ты? Капитан футбольной команды? Мистер популярность?

Марк усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— Именно поэтому. Все ждут, что я буду соответствовать. Быть капитаном, быть лучшим, быть... — он поискал слово, — ...удобным. А если я вдруг сделаю что-то не так, — он щёлкнул пальцами, — всё рухнет. — Он помолчал. — В команде нельзя показывать слабость. Нельзя быть другим. Иначе заклюют.

Алиса понимала это лучше, чем хотела бы.

— Поэтому ты меня игнорируешь в школе, — сказала она. Это был не вопрос.

Марк отвёл взгляд.

— Так проще. Если я начну открыто с тобой общаться, они примутся и за тебя, и за меня. Я защищаю нас обоих.

— Или защищаешь себя, — тихо сказала Алиса.

Повисла пауза. Ветер донёс запах реки — тины и чего-то ещё, неуловимого. Марк долго молчал, потом сказал:

— Может быть. — Он повернулся к ней. — Но я здесь.

Сейчас. Разве это не считается?

Алиса хотела сказать, что не считается. Что половинчатая дружба — это не дружба. Что она устала быть чьим-то секретом. Но вместо этого она просто кивнула. Потому что он был первым за долгое время, кто вообще захотел с ней говорить. И потому что в его глазах было что-то, чего она не видела у других: не жалость, не любопытство, а узнавание. Будто он тоже когда-то стоял под мостом и смотрел на воду, думая, что никому нет дела.

Так началась их странная двойная жизнь.

Днём в школе Марк проходил мимо, опустив взгляд, и здоровался лишь кивком, если никто не видел. Он был частью стаи, частью системы, и Алиса понимала правила игры: дружба с изгоем могла стоить ему статуса. Но каждый раз, когда он проходил мимо, не поворачивая головы, что-то внутри неё сжималось в тугой комок. Боль от его холодного взгляда в коридоре ранила сильнее, чем любой асфальт при падении.

А вечером, под мостом или на пустынных улицах спального района, он был другим. Они говорили о музыке, о том, как сложно быть собой, когда все ждут от тебя определённой роли. Он рассказывал о давлении в команде — тренер требует результатов, отец требует побед, друзья требуют, чтобы он был «своим». Она — о том, каково это, быть вечным чужаком, который знает, что через полгода снова придётся собирать вещи.

— А ты не думала остаться? — спросил он однажды.

— Остаться? — Алиса горько усмехнулась. — Я не выбираю, куда ехать. Мама выбирает.

— А если бы выбирала ты?

Алиса задумалась. Доска под ногами поскрипывала, когда она переносила вес с ноги на ногу.

— Наверное, осталась бы здесь, — сказала она тихо. — Здесь дождь пахнет вкусно.

Марк засмеялся. По-настоящему, не сдержанно.

— Ты правда странная.

— Ты говорил.

— Это комплимент.

Они сидели на бетонном парапете, свесив ноги к воде. Фонарь над головой мигал, будто пытался что-то сказать на своём электрическом языке. Алиса смотрела на реку и думала: вот бы время остановилось. Вот бы никогда не наступало утро. Потому что утром он снова пройдёт мимо, и ей придётся делать вид, что это нормально.

— Марк, — сказала она вдруг. — А если я попрошу тебя кое о чём?

— Попроси.

— Завтра в школе... просто кивни мне. Не проходи мимо. Просто кивни. Как будто я существую.

Марк молчал так долго, что Алиса уже пожалела, что вообще открыла рот. Потом он сказал:

— Я попробую.

«Попробую» — это не «обещаю». Алиса знала разницу. Но всё равно улыбнулась.

На следующий день в коридоре Марк прошёл мимо — и кивнул. Едва заметно, почти незаметно для посторонних. Но Алиса увидела. И целый день ходила с глупой улыбкой, которую не могла стереть с лица, даже когда Ковалёв бросил ей вслед очередное «Одноухая».

Марго заметила.

— Ты какая-то странная сегодня, — сказала она на перемене, прищурившись. — Случилось что?

— Ничего, — сказала Алиса, но улыбка предательски расползалась шире.

— Ага, — протянула Марго. — Ну-ну.

Глава 3.

Развязка наступила в четверг, в столовой.

Алиса стояла в очереди с подносом, на котором лежал сэндвич и стакан воды. Обычный день, обычная очередь, обычное чувство, что кто-то за спиной смотрит на неё с ухмылкой. Она научилась не оборачиваться. Научилась не замечать. Научилась есть быстро, чтобы уйти раньше, чем начнётся.

Но в этот раз всё пошло иначе.

Кто-то толкнул её в спину — сильно, так, что поднос качнулся. Алиса удержала равновесие, но в тот же момент перед ней возник Дэн — один из друзей Марка, широкоплечий, с вечной ухмылкой на лице, которая никогда не предвещала ничего хорошего. В его руке был стакан колы. Ледяной.

— Ой, прости! — хихикнул он и опрокинул стакан ей в лицо. — Я думал, это мусорное ведро. А нет, это просто «Бэтмен». Или как там тебя зовут?

Столовая замерла. Кто-то ахнул, кто-то засмеялся, кто-то просто уставился. Все ждали реакции. Алиса стояла, мокрая, липкая, чувствуя, как холодная жидкость стекает по шее, под волосы, туда, где она так тщательно прятала свою тайну. Кола пропитала чёлку, и пряди прилипли к коже — к той самой гладкой, розоватой коже на месте уха.

Она подняла глаза и стала искать его взглядом.

Марк стоял неподалёку с подносом в руках. Их взгляды встретились. Секунда тишины показалась вечностью. Он мог подойти. Мог сказать хоть слово — одно слово, и всё было бы иначе. Мог просто отвернуться от своих друзей, бросить поднос, подойти к ней. Мог.

Но он опустил глаза и сделал шаг в сторону, продолжая разговор с кем-то другим. Как будто ничего не произошло. Как будто они не катались под мостом, как будто не говорили о самом важном, как будто он не просил у неё прощения и не касался её лица.

Сердце Алисы замерло, а потом забилось где-то в горле. Она не стала вытираться. Не стала кричать. Не стала плакать — не здесь. Она просто развернулась и вышла из столовой.

Её искали весь день. Учителя, директор, даже классная руководительница звонили матери. Алиса слышала, как в коридоре кто-то кричал её имя, как в динамиках объявляли тревогу. Но она уже знала, куда идти.

Под мостом было темно и тихо. Снова начал накрапывать дождь, смешиваясь с остатками сладкой колы на её лице. Алиса сидела на бетоне, обхватив колени, и плакала. Не от холода, не от унижения — от предательства. От того, что она снова осталась одна. От того, что снова поверила, что кто-то может быть на её стороне. Дура. Какая же она дура.

Шаги по гравию были тяжёлыми и быстрыми.

— Алиса!

Она не обернулась. Узнала этот голос.

Марк подбежал к ней, запыхавшийся, с мокрыми от дождя волосами, в расстёгнутой куртке — бежал, не думая о холоде. Он остановился в паре шагов, не решаясь подойти ближе.

— Ты пропала! Все с ума посходили! Твоя мама...

— Уходи, — тихо сказала она.

— Алиса, послушай...

— Я сказала, уходи! — Она вскочила, и в её голосе было столько ярости, что Марк отступил на шаг. — Ты смотрел. Ты видел, как они облили меня, и просто отвернулся. Ты сказал, что защищаешь нас? Ты защищал только свою задницу, Марк!

— Я испугался! — крикнул он в ответ, и в его голосе впервые прозвучала настоящая эмоция — не сдержанная, не ровная, а надрывная. — Я трус, да! Я думал, что если вмешаюсь, то будет хуже — они и на тебя накинутся, и на меня, и всё полетит к чёрту. Но когда я увидел, что ты убегаешь... мне стало плевать на всё. На команду, на друзей, на репутацию. Я бросил поднос и побежал за тобой, но ты уже исчезла.

Он сделал шаг к ней. Алиса попятилась, но упёрлась спиной в холодную опору моста.

— Не подходи, — прошептала она, но слёзы уже текли по её щекам, смывая веснушки и грязь.

— Я искал тебя повсюду, — сказал Марк, подходя ближе. Его глаза были полны боли и раскаяния, и в них не было ни капли той маски, которую он носил в школе. — Я понял одну

вещь. Мне неважно, что скажут другие. Мне важно, чтобы ты была рядом. Вечером. Здесь. Настоящая.

Он протянул руку, но не коснулся её лица. Коснулся плеча — осторожно, будто она была чем-то хрупким.

— Прости меня.

Алиса смотрела на него. Гнев всё ещё кипел в ней, но под ним проступало что-то другое. Усталость от одиночества. Желание быть понятой. Желание, чтобы кто-то наконец выбрал её — не жалел, не игнорировал, а выбрал.

— Ты и правда такой идиот, — прошептала она.

Марк слабо улыбнулся. Дрожащими пальцами — от холода, от волнения или от всего сразу — он убрал мокрую прядь волос с её лица. На мгновение его взгляд скользнул по правой стороне её головы, туда, где не было уха. Он не вздрогнул. Не поморщился. Не отвёл глаз. Просто посмотрел на неё — всю, целиком, включая то, что она так старательно прятала.

— Да, — согласился он.

А потом наклонился и поцеловал её.

Это был не киношный поцелуй под дождём. Он был солёным от слёз, холодным от дождя и неловким — они оба не знали, куда девать руки и как дышать. Но невероятно искренним. Алиса сначала замерла, а потом обняла его за шею, прижимаясь всё сильнее, забыв о стыде, о школе, о том, что кто-то может их увидеть. Дождь стучал по бетону, кола засохла на её щеке, колени дрожали — но ей было всё равно.

— Я не буду больше тебя игнорировать, — прошептал Марк, когда они наконец отстранились. — Никогда. Даже если весь мир будет против.

— Обещаешь? — Алиса смотрела на него, не вытирая слёз.

— Обещаю.

В пятницу они вошли в школу вместе.

Столовая затихла. Дэн уронил вилку. Ковалёв, который как раз собирался отпустить очередную шутку, закрыл рот. Марго, стоявшая в очереди за соком, поперхнулась и уставилась на них с таким видом, будто увидела летающую тарелку.

Марк держал Алису за руку. Открыто. При всех. И когда Дэн попытался что-то сказать, Марк просто посмотрел на него — молча, твёрдо, — и Дэн замолчал.

— Пойдём? — сказал Марк, кивнув в сторону свободного стола у окна.

Алиса кивнула. Они сели, и через минуту к ним подсела Марго — без приглашения, как всегда.

— Ну, наконец-то, — сказала она, откусывая яблоко. — Я думала, вы никогда не перестанете играть в прятки.

Алиса посмотрела на Марка. Марк посмотрел на Алису. И они оба улыбнулись.

Глава 4.

Утро субботы началось с сообщения.

Марк:*Ты проснулась?*

Алиса:*К сожалению.*

Марк:*Отлично. Выходи через час. Есть идея.*

Алиса:*Какая?*

Марк:*Сюрприз. Оденься тепло.*

Алиса посмотрела на телефон, потом на окно. За окном моросил дождь — тот самый, который пах гниющими яблоками. Она улыбнулась, отложила телефон и пошла искать тёплый свитер.

Через час они стояли на автобусной остановке. Марк приехал на велосипеде, но сегодня — с рюкзаком за плечами, из которого торчал термос и что-то, завёрнутое в фольгу.

— Мы куда-то едем? — спросила Алиса, кивнув на автобус.

— Ага. — Марк улыбнулся. — На электричке. За город. Там есть заброшенная станция, я тебе покажу. И ещё одно место.

— Какое?

— Сюрприз, — повторил он.

Автобус подошёл, и они забрались на заднее сиденье. Алиса смотрела в окно — на проплывающие мимо дома, на лужи, отражающие серое небо, на редких прохожих с зонта-

ми. Марк сидел рядом, и его плечо касалось её плеча. Это было... просто. Хорошо. Без натянутости.

— Расскажи что-нибудь, — попросила она.

— Что?

— Не знаю. Что-нибудь, чего я о тебе не знаю.

Марк задумался.

— Я боюсь темноты, — сказал он наконец.

Алиса повернулась к нему.

— Серьёзно?

— Ага. С детства. Не могу заснуть, если в комнате темно. У меня ночник. — Он поморщился. — Смешно, да? Капитан футбольной команды боится темноты.

— Не смешно, — сказала Алиса. — Это... честно.

— Твоя очередь.

Алиса помолчала.

— Я боюсь, что однажды забуду, как выглядел мой отец, — сказала она. — У меня есть только одна фотография. Он там в смешной шапке. И я иногда смотрю на неё и думаю: а что, если я уже забыла, как он звучал? Как пах? Это... страшно.

Марк ничего не сказал. Просто взял её за руку и сжал пальцы.

— Спасибо, что рассказала, — произнёс он тихо.

Электричка шла медленно, останавливаясь на каждой станции. Алиса положила голову на плечо Марка и закрыла глаза. Скейт стоял рядом, прислонённый к сиденью, — она

взяла его с собой. Привычка.

— Кстати, — сказал Марк, — у меня для тебя кое-что есть.

Он полез в рюкзак и достал маленькую коробочку. Алиса насторожилась.

— Что это?

— Открой.

Внутри был значок — маленький, круглый, с изображением скейтборда и надписью «Я катаюсь, потому что могу». Алиса уставилась на него.

— Где ты это взял?

— В интернете. — Марк пожал плечами. — Ты всегда говоришь, что скейт — это твоя свобода. Вот. Пусть будет с тобой. Как напоминание.

Алиса приколола значок к худи. Не к рюкзаку, не к сумке — к груди, прямо над сердцем. Потом посмотрела на Марка.

— Ты... — она запнулась. — Ты правда думал об этом?

— Ага. — Он улыбнулся. — У меня было время, пока я решал, как признаться, что боюсь темноты.

Алиса засмеялась. И в этом смехе не было ни горечи, ни одиночества. Только тепло.

Заброшенная станция оказалась именно такой, как он описывал: старая платформа, заросшая травой, ржавые рельсы, уходящие в лес. Они посидели на краю платформы, ели бутерброды, пили чай из термоса. Дождь стих, и сквозь тучи пробилось солнце — робкое, но настоящее.

— Я прихожу сюда, когда хочу побыть один, — сказал Марк. — Теперь вот привёл тебя.

— Почему?

— Потому что ты — не все. С тобой не надо быть кем-то другим.

Алиса смотрела на него и чувствовала, как в груди становится тепло и тесно. Она не знала, что сказать. Слова казались маленькими и глупыми по сравнению с тем, что она чувствовала. Поэтому она просто взяла его за руку — снова — и держала, пока он не доел последний бутерброд.

Домой они вернулись к вечеру. У подъезда Марк остановился и сказал:

— Можно я завтра зайду? Познакомиться с твоей мамой. По-нормальному. Не как вор в ночи.

Алиса замерла.

— Ты хочешь познакомиться с моей мамой?

— Ага. Разве это не то, что делают нормальные люди, когда... — он запнулся, — ну, когда они вместе?

Алиса почувствовала, как к щекам приливает кровь. «Вместе». Они не говорили это слово вслух. Но оно висело в воздухе уже неделю.

— Я... я спрошу её, — сказала она.

— Хорошо. — Марк улыбнулся. — И ещё. Я тут подумал. Ты говорила, что хочешь однажды проехать на скейте по всем городам, где жила.

— Ну, это мечта. Глупая, наверное.

— Не глупая. — Он покачал головой. — Я подумал: а что, если мы начнём с этого? Летом. На электричке, с остановками. Я на велосипеде, ты на скейте. Не по всем городам — так далеко не уедем. Но по области. По местам, где ты ещё не была.

Алиса смотрела на него. На парня, который запомнил её мечту, который признался ей в страхе темноты, который хотел познакомиться с её мамой. Внутри неё что-то щёлкнуло — как будто встал на место кусочек пазла, о существовании которого она не знала.

— Ты серьёзно? — прошептала она.

— Абсолютно.

Она обняла его — крепко, обеими руками. Прямо там, у подъезда, под фонарём, который мигал, как в тот вечер под мостом.

— Спасибо, — сказала она в его плечо. — За то, что ты... такой.

— Какой?

— Настоящий.

Мама встретила новость о завтрашнем визите с подозрением.

— Парень? — переспросила она, отрываясь от кастрюли. — Ты никогда не говорила, что у тебя есть парень.

— Мы недавно... это началось. — Алиса нервно теребила край свитера. — Его зовут Марк. Он из девятого. Капитан футбольной команды.

— Капитан футбольной команды. — Мама прищурилась. — И он хочет прийти сюда? Познакомиться со мной?

— Да. Он... — Алиса замялась. — Он хороший. Правда.

Мама долго смотрела на неё. Потом вздохнула и сказала:

— Ладно. Пусть приходит. Но если он тебя обидит...

— Мам!

— Что «мам»? Я медсестра. Я умею делать больно так, что следов не останется.

Алиса засмеялась. И в этом смехе было что-то новое — что-то похожее на счастье.

В воскресенье Марк пришёл с тортом. Коробка была перевязана лентой — не розовой, а синей, потому что он знал, что Алиса ненавидит розовый. Мама открыла дверь и окинула его взглядом с головы до ног.

— Здравствуйте, — сказал Марк. — Я Марк. Спасибо, что согласились.

— Проходи, — сказала мама, но в её голосе было что-то, что Алиса не могла разобрать. Настороженность? Или... любопытство?

За чаем Марк вёл себя спокойно. Не заискивал, не старался понравиться. Отвечал на вопросы прямо: про учёбу, про футбол, про планы на будущее. Когда мама спросила, чем он занимается помимо школы, он сказал:

— Катаюсь на велосипеде. И... — он посмотрел на Алису, — провожу время с Алисой. Мы вместе катаемся. Я на велике, она на скейте.

— А почему ты?.. — мама запнулась, подбирая слова. — Почему ты с ней? В школе, наверное, много девочек.

Алиса напряглась. Но Марк не растерялся.

— Много, — согласился он. — Но с Алисой мне не надо быть кем-то другим. Она видит меня настоящего. И я вижу её настоящую. — Он помолчал. — И ещё она лучше всех катается на скейте. Вы знали, что она умеет делать кикфлип?

Мама посмотрела на Алису. Алиса посмотрела на маму. И вдруг мама улыбнулась — по-настоящему, широко, как не улыбалась уже давно.

— Знала, — сказала она. — Она с семи лет на этой доске. Я ей говорю: «Алиса, надень шлем», а она: «Мам, шлем — для слабаков». Весь в отца.

Алиса уставилась на неё.

— Ты никогда так не говорила.

— Не говорила. — Мама пожала плечами. — Не хотела вспоминать. Но, может, пора уже.

За столом стало тихо. Но это была хорошая тишина — та, в которой можно дышать.

Вечером, когда Марк ушёл, мама сказала:

— Он тебе нравится.

Это был не вопрос.

— Да, — ответила Алиса.

— Сильно?

— Сильно.

Мама помолчала.

— Первая любовь — это... — она поискала слова, — как первый снег. Кажется, что так будет всегда. Но он тает. И это нормально. Важно не то, что он растаял, а то, что ты успела ему порадоваться.

Алиса смотрела на неё.

— Ты говоришь так, будто знаешь.

— Знаю. — Мама улыбнулась. — У меня тоже была первая любовь. И второй снег тоже был. И третий. — Она подмигнула. — Но это уже совсем другая история.

Алиса засмеялась и обняла маму. Крепко. Так, как не обнимала уже давно.

Ночью она лежала в постели и смотрела в потолок. Вспоминала сегодняшний день: заброшенную станцию, значок, разговор в электричке, торт, мамину улыбку. И думала о том, что счастье — это не когда всё идеально. Это когда ты можешь быть собой, и рядом есть люди, которым это нравится.

Она достала телефон и написала:

Алиса:*Спасибо за сегодня.*

Марк:*За что?*

Алиса:*За то, что пришёл. За то, что не испугался. За торт.*

Марк:*Торт был вкусный?*

Алиса:*Очень. Мама сказала, что ты ей понравился.*

Марк:*Правда?*

Алиса:*Ага. Она сказала, что ты «не такой, как я думала». Не знаю, что это значит, но звучало как комплимент.*

Марк:*Я старался.*

Алиса:*Знаю. Спокойной ночи, Марк.*

Марк:*Спокойной ночи, Алиса. И... спасибо, что ты есть.*

Алиса улыбнулась в темноту. И впервые за долгое время заснула без чувства, что завтра всё снова рухнет.

Глава 5.

Летом они действительно поехали.

Электричка отправлялась в семь утра — раньше, чем Алиса обычно вставала даже в школу. Но Марк настоял: «Если поедем позже, не успеем всё, что я запланировал». Он стоял на платформе с велосипедом, рюкзаком и картой, распечатанной на принтере, — настоящей, бумажной, с пометками маркером. Алиса смотрела на эту карту и не могла перестать улыбаться.

— Ты серьёзно распечатал карту? В двадцать первом веке?

— Я серьёзно подготовился, — поправил он. — Это разные вещи.

Она поставила скейт на пол и села у окна. За окном проплывали поля, перелески, маленькие станции с покосившимися платформами. Марк сидел напротив, разложив карту на коленях, и что-то отмечал.

— Первая остановка — через сорок минут, — сказал он. — Там есть старый вокзал, заброшенный. Говорят, ему больше ста лет.

— Ты был там?

— Нет. — Он поднял глаза. — Я нашёл его на карте. Подумал, что тебе понравится.

Алиса смотрела на него — на этого парня, который ради

неё встал в шесть утра, распечатал карту и проложил маршрут по заброшенным вокзалам. И думала о том, что ещё год назад она бы не поверила, что такое бывает. Что кто-то может быть настолько... на её стороне.

— Расскажи мне что-нибудь, — попросила она. — Что-нибудь из детства.

Марк отложил карту.

— Из детства? — Он задумался. — Ладно. В первом классе я влюбился в девочку. Её звали Соня. Она собирала наклейки с котами и ни с кем не делилась. Я думал, что это самый крутой человек на свете.

— И что случилось?

— Я подарил ей свою самую ценную наклейку. С динозавром. — Он усмехнулся. — Она сказала «спасибо» и больше никогда со мной не разговаривала. Я был раздавлен. Мне было семь лет, и я думал, что жизнь кончена.

Алиса засмеялась.

— Бедный Марк.

— Ага. А у тебя? Какая была твоя первая любовь?

Алиса помолчала. За окном проплыл лес — тёмный, густой, с редкими просветами солнца.

— В детском саду, — сказала она наконец. — Был мальчик, его звали Тимур. Он был самым быстрым на площадке. Всегда выигрывал в догонялки. Я думала, что если я его догоню, то стану... не знаю. Особенной. — Она улыбнулась. — Я тренировалась каждый день. Бегала по двору, пока мама

не звала домой. И однажды догнала.

— И?

— И он сказал: «Ты чего? Отстань». — Алиса пожала плечами. — Мне было пять. Я плакала весь вечер. Мама спросила, что случилось, а я сказала, что упала с качелей. Не могла признаться, что меня отверг мальчик, которого я даже толком не знала.

Марк смотрел на неё.

— А потом?

— А потом мы переехали. В Томск. Я больше никогда его не видела. — Она помолчала. — Знаешь, что странно? Я до сих пор помню, как он бегал. Быстро-быстро, руки в стороны, как самолёт. И когда я бегу, иногда думаю: а что, если бы я тогда не догнала? Что, если бы просто бежала рядом?

Марк взял её за руку.

— Мне жаль, что тебе пришлось это пережить.

— Мне тоже. Но... — она улыбнулась, — сейчас я думаю, что это была хорошая тренировка. Я научилась бегать. И потом, когда я начала кататься на скейте, это очень пригодилось.

— Ты всегда находишь светлую сторону.

— Не всегда. Но стараюсь.

Заброшенный вокзал оказался именно таким, как Алиса представляла: красный кирпич, высокие окна с выбитыми стёклами, ржавые часы на стене, которые остановились много лет назад. На платформе росли одуванчики — целое поле

одуванчиков, пробившихся сквозь бетон.

— Красиво, — выдохнула Алиса.

Она поставила скейт на землю и покатилась по платформе, объезжая трещины и ямы. Марк шёл рядом с велосипедом, смотрел на неё и улыбался.

— Ты когда-нибудь думала, что станешь профессиональной скейтбордисткой? — спросил он.

— Я думала. Но это... — она подпрыгнула, сделала кикфлип, поймала доску, — это мечта. А мечты — они для других. Для тех, у кого есть деньги, поддержка, родители, которые верят.

— А твоя мама не верит?

Алиса задумалась.

— Она верит. Просто она устала. Постоянно работать, переезжать, тянуть меня одну... Я не хочу добавлять ей проблем.

Марк остановился. Алиса тоже.

— А что, если бы ты не думала о том, что она устала? — спросил он. — Что бы ты сделала?

Алиса смотрела на одуванчики, пробивающиеся сквозь бетон.

— Я бы попробовала, — сказала она тихо. — Нашла бы соревнования. Тренировалась бы. Может быть, даже... — она запнулась, — может быть, выиграла бы что-нибудь.

— Тогда почему ты не попробуешь?

— Потому что страшно.

Марк подошёл ближе.

— А знаешь, что самое страшное? — сказал он. — Не попробовать. И потом всю жизнь думать: а что, если бы?

Алиса посмотрела на него. И вдруг поняла, что он прав. Что она всю жизнь бежала — от городов, от людей, от себя. И что, может быть, пора перестать бежать. Может быть, пора начать догонять.

— Ладно, — сказала она. — Я попробую.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Марк улыбнулся.

— Тогда я буду приходить на все твои соревнования. С плакатом. «Алиса Воронцова — лучшая».

— С каким плакатом?

— С большим. С блёстками.

Алиса засмеялась так, что чуть не упала со скейта.

Домой они вернулись поздно — уставшие, счастливые, с одуванчиками в волосах и грязью на кедах. У подъезда Алиса сказала:

— Знаешь, что я поняла сегодня?

— Что?

— Что первая любовь — это не про человека. Это про то, как ты чувствуешь. Когда ты пять лет и бежишь за мальчиком, который тебя не замечает, — это не любовь. Это желание быть замеченной. — Она помолчала. — А когда ты четырнадцать и кто-то помнит твою мечту, признаётся в сво-

их страхах и распечатывает карту на принтере... вот это уже любовь.

Марк смотрел на неё.

— Ты сейчас призналась мне в любви?

Алиса покраснела.

— Может быть.

— Может быть? — Он улыбнулся. — Ну, тогда я тоже скажу «может быть». Может быть, я люблю тебя. Может быть, я люблю тебя с того вечера под мостом. Может быть, я распечатал карту не потому, что хотел показать тебе вокзалы, а потому, что хотел провести с тобой целый день.

Алиса уставилась на него.

— Ты...

— Что?

— Ты невозможный.

— Я знаю.

Он поцеловал её — прямо там, у подъезда, под фонарём, с велосипедом в одной руке и скейтом в другой. И Алиса подумала: вот оно. Вот что значит быть счастливой.

Вечером она позвонила маме — та была на смене, но взяла трубку.

— Мам, я хочу участвовать в соревнованиях по скейтбордингу.

На том конце провода помолчали.

— Соревнованиях?

— Ага. Есть любительские. Для подростков. Я узнавала.

— (Она не узнавала. Но собиралась.) — Я хочу попробовать.

— Алиса... — мама вздохнула. — Это же опасно. И дорого. И...

— Я знаю. Но я хочу. Правда хочу. — Она помолчала. — Мам, я всю жизнь бегу. От городов, от людей, от себя. Я устала. Я хочу попробовать что-то, что не про бегство. Что про... полёт.

На том конце провода было тихо. Потом мама сказала:

— Ладно.

— Ладно?

— Ладно. Попробуй. Но если ты сломаешь ногу...

— Я не сломаю.

— Ты не знаешь.

— Мам.

— Что «мам»? Я медсестра. Я видела всё. Но... — она вздохнула, — я горжусь тобой. Правда.

Алиса почувствовала, как к глазам подступают слёзы.

— Спасибо.

— Не благодари. Просто... будь осторожна. И если тебе понадобится помощь — я здесь.

— Я знаю.

Она положила трубку и посмотрела в окно. За окном шёл дождь — тот самый, который пах гниющими яблоками. Но теперь этот запах не казался ей странным. Он казался ей родным.

Глава 6.

До соревнований оставалось три недели.

Алиса нашла их в интернете поздно вечером, когда не могла заснуть: любительский турнир по скейтбордингу для подростков от двенадцати до шестнадцати лет. Проводился в соседнем городе, в скейт-парке, который она видела только на фотографиях. Регистрация — онлайн, взнос — небольшая сумма, которую она могла накопить, если перестанет покупать чипсы в столовой.

Она заполнила форму в три часа ночи, нажала «отправить» и тут же захотела отменить всё. Но кнопки «отменить» не было. Только письмо на почту: «Ваша заявка принята».

Утром она написала Марку.

Алиса: *Я это сделала. Зарегистрировалась.*

Марк: *Я знал, что ты сможешь.*

Алиса: *Я не могу. Я передумала. Я не умею ничего, кроме кикфлипа.*

Марк: *Ты умеешь намного больше. И мы будем тренироваться.*

Тренировки начались в тот же день.

Марк приходил под мост каждый вечер — с велосипедом, термосом и секундомером на телефоне. Он сидел на бетонном парапете, смотрел, как Алиса отрабатывает трюки, и давал советы, в которых разбирался примерно так же, как рыба

в астрономии.

— Может, попробуешь ещё раз, но... быстрее?

— Марк, это не работает.

— А если с разбега?

— Это скейт, а не прыжки в длину.

— Ну, я стараюсь.

Алиса смеялась и пробовала снова. И снова. И снова. До тех пор, пока ноги не начинали гудеть, а ладони не покрывались мозолями.

Марго присоединилась через неделю. Пришла под мост с рюкзаком, набитым энергетиками и печеньем, и уселась рядом с Марком.

— Так, — сказала она, оглядев Алису с головы до ног. — Ты собираешься выступать в этом?

Алиса посмотрела на свои старые джинсы, растянутое худи и кеды с потёртыми носами.

— А что не так?

— Всё, — сказала Марго. — Ты выглядишь как человек, который пришёл на соревнования случайно. А тебе нужно выглядеть как человек, который пришёл побеждать.

Она вытащила из рюкзака свёрток. Внутри была толстовка — чёрная, с ярко-оранжевыми полосами на рукавах и надписью на спине: «Я катаюсь, потому что могу».

Алиса уставилась на неё.

— Где ты это взяла?

— Заказала. — Марго пожала плечами. — У тебя же есть

значок. Я подумала, что толстовка будет в комплекте. — Она помолчала. — И ещё я подумала, что ты будешь нервничать и забудешь про то, что ты вообще-то крутая. А в этой штуке забудешь не забыть.

Алиса надела толстовку. Она была мягкой, тёплой и пахла новой тканью. И она сидела идеально.

— Спасибо, — сказала она тихо.

— Не благодари. Просто выиграй. Или хотя бы не убейся. — Марго хмыкнула. — Я не хочу искать новую подругу.

За два дня до соревнований Алиса впервые показала Марку свои рисунки.

Они сидели под мостом, и она нервничала так, как не нервничала даже перед первым прыжком. Альбом лежал у неё на коленях — потрёпанный, с загнутыми уголками страниц.

— Только не смейся, — сказала она.

— Я не буду.

— Обещаешь?

— Алиса.

Она открыла альбом.

На первой странице был человечек с одной ушной раковиной — супергерой в плаще, с доской под ногами. Подпись внизу: «Одноухий Скейтер. Суперспособность: не слышит насмешки».

Марк молчал. Алиса смотрела в сторону, на воду, на фонари, на что угодно, только не на него.

— Это... — он запнулся. — Это ты?

— Это персонаж. — Алиса пожала плечами. — Я рисую комиксы. Про супергероев, у которых есть недостатки. Настоящие. Не как в кино, где супергерой красивый и у него просто есть какая-то там травма. А настоящие — как у меня. Одно ухо. Веснушки. Страх, что тебя бросят.

Марк листал альбом страницу за страницей. Вот супергерой с протезом вместо руки. Вот девочка, которая не умеет говорить, но может управлять водой. Вот парень, который боится темноты, но летает только ночью.

— Это... — он поднял глаза. — Это потрясающе.

— Что?

— Всё это. — Он обвёл рукой альбом. — Ты придумала целый мир. Где слабости — это не то, что надо прятать. Это то, что делает тебя сильнее.

Алиса смотрела на него.

— Ты правда так думаешь?

— Алиса, я не умею врать. Ты же знаешь. — Он улыбнулся. — Это лучшее, что я видел. Ты должна это показать кому-то. Не мне — кому-то, кто разбирается.

— Кому?

— Не знаю. Издательству? Журналу? — Он пожал плечами. — Я не эксперт. Но я знаю, что это не должно пылиться в альбоме под мостом.

Алиса закрыла альбом и прижала его к груди. Внутри было что-то, похожее на счастье, — большое, тёплое, немного

пугающее.

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— За то, что не смеёшься.

— Я бы никогда не стал смеяться над тобой. — Марк взял её за руку. — Никогда.

В день соревнований Алиса проснулась в шесть утра. Сердце колотилось так, будто она уже стояла на старте. Мама оставила на столе записку: «Удачи. Я горжусь тобой. Позвони, как выступишь. P.S. Не сломай ногу». Рядом лежала шоколадка.

Марк ждал у подъезда с велосипедом и рюкзаком. Марго — с плакатом. Настоящим. Самодельным. С блёстками.

«АЛИСА ВОРОНЦОВА — ЛУЧШАЯ» — было написано на нём разноцветными маркерами. Блёстки осыпались на асфальт, когда Марго развернула плакат.

— Я предупреждал, — сказал Марк, ухмыляясь.

Алиса смотрела на плакат и не знала, смеяться ей или плакать.

— Вы... вы серьёзно?

— Абсолютно, — сказала Марго. — Теперь пошли. Ты не можешь опоздать на собственное соревнование.

Скейт-парк был полон. Подростки на досках, родители на скамейках, судьи с планшетами. Алиса стояла в стороне, сжимая скейт так, будто он был единственным, что держало её на земле.

— Я не могу, — прошептала она.

— Можешь, — сказал Марк.

— Я не могу.

— Можешь. — Он взял её за плечи и посмотрел в глаза. — Ты тренировалась три недели. Ты знаешь этот парк лучше, чем половина тех, кто здесь. И ты — Алиса Воронцова. Ты умеешь начинать заново. Это твоя суперспособность. Помнишь?

Алиса смотрела на него. Потом на Марго, которая держала плакат с блёстками. Потом на маму, которая стояла у входа и махала ей рукой — она пришла. Она взяла отгул и пришла.

Алиса выдохнула.

— Ладно, — сказала она. — Посмотрим, на что я способна.

Она выступила. Не идеально — на одном из трюков доска выскользнула из-под ног, и она упала на колено. Но поднялась. Отряхнулась. И продолжила.

Когда она закончила, трибуны хлопали. Может быть, не так громко, как другим, но хлопали. А она стояла посреди парка, с горящим коленом, с растрёпанной чёлкой, с улыбкой до ушей — и чувствовала себя живой.

Она не заняла первое место. Она заняла третье. Бронзовую медаль — маленькую, блестящую, с гравировкой «За волю к победе». Но для неё это была золотая.

— Ты это сделала, — сказал Марк, когда она вышла из

зоны участников.

— Я упала.

— Ты встала. Это важнее.

Он обнял её. Крепко. Марго сунула ей в руки плакат — теперь уже немного помятый, но всё ещё с блёстками.

— Я же говорила, — сказала она. — Ты крутая.

Мама подошла последней. Она стояла и смотрела на медаль в руках Алисы.

— Я горжусь тобой, — сказала она. — Правда. И знаешь что? — Она помолчала. — Твой отец тоже гордился бы.

Алиса замерла.

— Ты никогда так не говорила.

— Я знаю. — Мама улыбнулась. — Но, может быть, пора начинать.

Вечером они втроём — Алиса, Марк и Марго — сидели под мостом. У Алисы на колене был пластырь, на шее — медаль, в руках — бутылка газировки. Марк держал её за руку. Марго листала её альбом с комиксами и иногда фыркала от смеха.

— Одноухий Скейтер? — переспросила она. — Серьёзно?

— Это рабочий вариант, — сказала Алиса.

— А мне нравится, — сказал Марк.

— Тебе всё нравится, что она делает.

— Не всё. Я не люблю, когда она падает. Но она встаёт.

Алиса улыбнулась. И подумала: вот оно. Вот что значит быть счастливой. Не когда всё идеально. А когда ты падаешь

— и рядом есть те, кто поможет встать.

Глава 7.

Поезд уходил в шесть утра. Алиса не спала всю ночь — не от волнения, а от странного чувства, будто она собирается не в другой город, а в другую жизнь.

Новосибирск. Город, где она прожила дольше всего за последние годы — целых восемь месяцев. Город, где осталась её старая школа, старые стены, старые насмешки. И квартира, которую они с мамой так и не сдали — мама платила за неё, потому что «а вдруг вернёмся». Алиса никогда не думала, что вернётся. Но вот — едет.

Марк ждал её на платформе с двумя рюкзаками и велосипедом в чехле. Он никогда не был в Новосибирске. Он вообще никогда не был дальше области. Алиса смотрела на него — на этого парня, который бросил всё, чтобы поехать с ней в город, где её когда-то травили, — и не понимала, чем заслужила.

— Готов? — спросила она.

— Ага. — Он улыбнулся. — Только скажи: там правда так холодно, как все говорят?

— Холоднее.

— Отлично. Я взял три свитера.

В поезде они сидели у окна. За окном проплывали поля, леса, маленькие станции. Алиса смотрела на них и чувствовала, как внутри что-то сжимается.

— Ты нервничаешь? — спросил Марк.

— Ага.

— Из-за чего?

Алиса помолчала.

— Из-за того, что я там увижу. Стены, которые помнят меня другой. Девочку, которая пряталась в туалете на переменах, чтобы не слышать смех. — Она вздохнула. — Я не хочу снова стать ей.

Марк взял её за руку.

— Ты не станешь. Ты уже не она.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что та девочка не поехала бы в Новосибирск. Она бы осталась под мостом и делала вид, что всё нормально. — Он сжал её пальцы. — А ты едешь. Значит, ты уже другая.

Алиса смотрела на него. И думала: как он это делает? Как он находит слова, которые попадают точно в цель?

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— За то, что ты со мной. Даже в Новосибирск.

— Особенно в Новосибирск, — поправил он. — Я хочу увидеть, где ты жила. Где ты каталась. Где ты пряталась. Всё это — часть тебя. А я хочу знать тебя всю.

Новосибирск встретил их солнцем — редким, ярким, почти весенним. Алиса вышла на платформу и вдохнула воздух. Сухой, холодный, с запахом угля и бензина.

— Пахнет иначе, — сказала она.

— Чем?

— Чем наш город. Там дождь пахнет гниющими яблоками. А здесь... — она принюхалась, — здесь пахнет поездами. И немного снегом.

— Снегом?

— Ага. Даже летом. Не знаю, как объяснить.

Они доехали на трамвае до старого района — того самого, где Алиса жила в последний раз. Дома здесь были панельные, серые, с облупившейся краской и балконами, заставленными банками. Алиса шла по улице и чувствовала, как внутри неё открываются старые двери.

— Вот здесь я каталась, — сказала она, остановившись у небольшого сквера с растрескавшимся асфальтом. — Каждый вечер. Пока не стемнеет. Это было единственное место, где я чувствовала себя нормально.

Марк огляделся.

— Хороший сквер.

— Он ужасный. — Алиса усмехнулась. — Но тогда он казался мне раем.

Она прошла дальше, к старому пятиэтажному дому с зелёной крышей. Остановилась у подъезда.

— Здесь мы жили. Третий этаж. Окна во двор. — Она смотрела вверх, на знакомые окна. — Мама до сих пор платит за эту квартиру. Говорит, на всякий случай. Я думаю, она просто не может отпустить.

— А ты?

Алиса помолчала.

— Я тоже не могу. Но по-другому. — Она повернулась к Марку. — Я не хочу возвращаться. Но я хочу помнить. Понимаешь?

— Понимаю.

Ключ от квартиры был у Алисы — мама дала перед поездкой. «Там остались вещи. Может, заберёшь что-нибудь. Или просто посмотришь. Я не знаю. Решай сама».

Дверь открылась с трудом — заело замок. Внутри пахло пылью и старыми обоями. Мебель была накрыта простынями, как в фильмах про заброшенные дома. Алиса прошла в свою комнату — маленькую, с окном во двор, с обоями в мелкий цветочек, которые она ненавидела, но которые теперь казались почти родными.

На стене висели рисунки. Её рисунки. Девочка с одним ухом, летящая над городом. Мальчик с велосипедом, который боится темноты. Старый мост через реку, нарисованный по памяти.

— Ты это рисовала? — спросил Марк, подойдя сзади.

— Ага. Давно.

— Здесь есть я? — Он вгляделся. — Подожди. Это что, я?

На одном из рисунков был парень на велосипеде. Смешной, с растрёпанными волосами и улыбкой до ушей.

— Это не ты. Это... персонаж.

— Персонаж с велосипедом и кроссовками с яркими шнурками?

— Совпадение.

— Алиса.

— Ладно. Это ты. — Она отвернулась. — Я нарисовала это после того вечера под мостом. Когда ты предложил показать маршрут.

Марк молчал. Потом подошёл и обнял её — сзади, за плечи, уткнувшись подбородком в макушку.

— Это лучший рисунок, который я видел, — сказал он тихо.

Они провели в квартире около часа. Алиса собрала старые фотографии — те самые, где был отец в смешной шапке. Несколько альбомов с рисунками. Свою первую доску — разбитую, с треснувшим деком, которую она не выбросила, потому что не смогла.

— Это твой скейт? — спросил Марк, глядя на разбитую доску.

— Ага. Первый. — Алиса провела пальцем по трещине. — Я на нём училась кататься. Падала сотни раз. Но не бросала.

Она завернула доску в старую простыню и поставила у двери. Потом остановилась посреди комнаты, огляделась.

— Знаешь, что я чувствую? — сказала она тихо.

— Что?

— Что я прощаюсь. Не с квартирой. С той девочкой. Которая здесь жила. — Она повернулась к Марку. — Я больше не она. И я не хочу возвращаться. Но я хочу помнить. Чтобы

не забыть, откуда я пришла.

Марк подошёл и взял её за руку.

— Тогда пойдём. Покажешь мне свой сквер. И я расскажу тебе, что чувствую, когда стою здесь.

Вечером они сидели в сквере на скамейке — той самой, где Алиса когда-то сидела одна. Теперь рядом был Марк. Он держал её за руку и молчал — не потому, что не знал, что сказать, а потому, что слова были не нужны.

— Смотри, — сказала Алиса, кивнув на небо. — Здесь закаты другие. Более... резкие, что ли. В нашем городе они мягкие, как дождь. А здесь — как будто кто-то провёл кистью и не размыл.

— Мне нравятся наши, — сказал Марк.

— Мне тоже. — Алиса улыбнулась. — Но эти я тоже буду помнить.

Она достала телефон и сделала фото. Потом ещё одно. Потом повернулась и сфотографировала Марка — смеющегося, с растрёпанными волосами, с закатом за спиной.

— Ты чего? — спросил он.

— Ничего. Просто хочу запомнить.

— Что именно?

— Всё. — Она убрала телефон. — Этот день. Этот сквер. Тебя. То, что я сюда вернулась. И то, что больше не боюсь.

Марк обнял её за плечи. Алиса прижалась к нему и закрыла глаза.

Утром они пошли на старую станцию — ту самую, откуда

Алиса когда-то уезжала. Она хотела показать Марку место, где всё закончилось. И где, как она теперь понимала, началось что-то новое.

Станция была заброшенной — ржавые рельсы, покосившаяся платформа, стены с облупившейся краской. Алиса шла по краю платформы, балансируя на одной ноге, как в детстве.

— Осторожно, — сказал Марк.

— Я всегда осторожна.

— Ага. Особенно когда делаешь кикфлип на мокром асфальте.

— Это было один раз.

— Три.

Алиса засмеялась и спрыгнула с платформы. И в этот момент услышала голос:

— О, смотрите, кто вернулся!

Она обернулась. На другой стороне платформы стояли трое парней — её возраста, в спортивных куртках, с банками газировки в руках. Одного из них она узнала. Лёша. Тот самый, который в прошлой школе обзывал её «Одноухой» чаще всех. Который смеялся громче всех. Который однажды запер её в подсобке.

— Алиса Воронцова, — протянул он, подходя ближе. — Слышал, ты уехала. Думали, больше не увидим.

— Я тоже так думала, — сказала Алиса, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— А это кто? — Лёша кивнул на Марка. — Новый парень? Надо же. Кто-то захотел с тобой встречаться.

Марк шагнул вперёд.

— Марк, — представился он. — А ты, судя по всему, тот самый Лёша, который запер её в подсобке.

Лёша прищурился.

— Она тебе рассказала? Надо же. А она тебе рассказала, что она — психованная? Что у неё крыша едет?

— Рассказала, что ты — идиот, — сказал Марк спокойно. — И, судя по всему, не соврала.

Один из парней за спиной Лёши хмыкнул. Лёша обернулся на него, потом снова посмотрел на Марка.

— Слышь, ты... — Он шагнул вперёд, и Марк не отступил. — Ты вообще кто такой?

— Тот, кто не боится тебя, — сказал Марк. — И тот, кто не позволит тебе снова её обидеть.

Алиса смотрела на них — на Марка, который стоял между ней и её прошлым, — и чувствовала, как внутри неё что-то меняется. Страх, который она носила с собой годами, вдруг стал меньше. Не исчез — но стал меньше.

— Лёша, — сказала она. Он обернулся. — Я больше не та девочка, которая пряталась в подсобке. Я не боюсь тебя. И если ты попробуешь что-то сделать — я не буду прятаться. Я буду драться. Или звать на помощь. Или... — она усмехнулась, — я просто уеду. Потому что у меня есть куда ехать. А у тебя — нет. Ты так и останешься здесь. С собой.

Лёша смотрел на неё. Долго. Потом фыркнул и отвернулся.

— Пошли, — бросил он своим. — Нечего тут стоять.

Они ушли. Алиса смотрела им вслед, пока они не скрылись за поворотом. Потом выдохнула и села на край платформы — ноги вдруг стали ватными.

Марк сел рядом.

— Ты в порядке?

— Ага. — Она помолчала. — Кажется, да. — Она повернулась к нему. — Ты это... ты правда стоял между мной и Лёшей.

— Ага.

— Ты мог пострадать.

— Мог. — Он пожал плечами. — Но не пострадал же. И потом — это было не так уж страшно.

— Он мог тебя ударить.

— Мог. — Марк улыбнулся. — Но, во-первых, я бы увернулся. А во-вторых... — он взял её за руку, — я не мог стоять в стороне. Не после столовой.

Алиса смотрела на него. И думала о том, что год назад она бы не поверила, что кто-то может вот так, просто, встать между ней и её страхом. Не из жалости. Не из чувства долга. А потому что — не мог иначе.

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— За то, что ты не в стороне.

Он обнял её. На заброшенной платформе, под солнцем, с ржавыми рельсами под ногами и прошлым, которое наконец отпустило.

Домой они ехали в вечернем поезде. Алиса смотрела в окно на проплывающие огни — Новосибирск оставался позади, становился точкой, потом воспоминанием. Она больше не вернётся сюда. Но теперь это было не бегство. Это было решение.

— Знаешь, что я поняла? — сказала она.

— Что?

— Что прошлое — это не место. Это люди. И когда ты встречаешь их снова — или вспоминаешь — ты можешь выбрать, что с ними делать. Оставить в прошлом. Или взять с собой. — Она повернулась к Марку. — Лёшу я оставляю в прошлом. А тебя беру с собой.

Марк улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.